

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Вниманию читателя предлагается монография, посвященная исследованию проблем действия соглашений в сфере гражданской юрисдикции.

Автор Екатерина Алексеевна Иванова работала над данной монографией в период обучения в аспирантуре по кафедре гражданского процесса Уральского государственного юридического университета. Обучение в аспирантуре успешно совмещала с работой в Центре медиации Уральского государственного юридического университета, которая дала ей возможность на практике увидеть особенности применения новых для российской правовой системы соглашений (соглашения о проведении медиации, медиативного соглашения и пр.). После успешной защиты в 2016 г. кандидатской диссертации она продолжила исследование проблематики процессуальных соглашений в рамках магистерской программы Университета Эмори, США, которую с отличием окончила в 2018 г. В настоящее время автор работает старшим преподавателем кафедры гражданского процесса УрГЮУ и аналитиком в Центре медиации УрГЮУ. Обозначенная проблематика остается в сфере ее научных интересов.

Актуальность предлагаемой читателю работы обусловлена формированием в России системы альтернативного разрешения правовых споров (АРС). Многие виды АРС в своей основе имеют различные соглашения, в том числе влияющие на динамику процессуальных правоотношений. Поэтому важным для науки гражданского процесса является разработка современного подхода к пониманию сущности процессуального соглашения, на основе которого может быть создана соответствующая конструкция. Чем больше у заинтересованных лиц будет возможностей самостоятельно без обращения в суд урегулировать правовой спор, тем меньше будет нагрузка на суды, что в свою очередь позволит решить существующую проблему обеспечения качества управляемого правосудия.

Новаторский подход автора заключается в разработке широкого подхода к пониманию процессуального соглашения и соответствующей этому подходу конструкции процессуального соглашения. Анализируя существующие в доктрине гражданского процесса точки зрения,

в соответствии с которыми процессуальное соглашение может заключаться только при наличии правового спора или после возбуждения гражданского дела, а не в иных ситуациях, в работе предлагается расширить подход к пониманию процессуального соглашения, который позволит рассматривать возможность заключать процессуальные соглашения с момента возникновения материального правоотношения (при отсутствии правового спора), а также начиная с этапа согласования условий договора, когда материальное правоотношение еще не возникло (при разрешении преддоговорных споров).

Такой широкий подход к пониманию возможностей заключения процессуального соглашения дает основание сформулировать авторское определение процессуального соглашения, которое предлагается рассматривать как волеизъявление заинтересованных лиц, направленное на выбор формы защиты права (судебная, внесудебная юрисдикционная, внесудебная неюрисдикционная) и (или) порядка урегулирования и (или) разрешения как будущего, так и возникшего правового спора.

Автор справедливо отмечает, что такой широкий подход позволяет выделить следующие элементы конструкции процессуального соглашения. Предметом процессуального соглашения является согласование формы защиты права (судебная, внесудебная внеюрисдикционная, внесудебная юрисдикционная), или (и) порядка урегулирования или разрешения правового спора. Субъекты процессуальных соглашений могут не совпадать с субъектами спорного материального правоотношения. Процессуальные соглашения должны быть облечены в соответствующую форму. Отличительной особенностью конструкции является наличие прямого или опосредованного процессуального эффекта, что позволяет отграничить процессуальные соглашения от соглашений в материальном праве.

Е. А. Иванова представила интересную классификацию процессуальных соглашений и основания для разграничения. Так, процессуальные соглашения по выбору формы защиты права (судебной, внесудебной юрисдикционной, внесудебное неюрисдикционной) и по определению порядка урегулирования и (или) разрешения будущего или возникшего правового спора влекут разные правовые последствия. Если процессуальные соглашения о выборе формы защиты права являются юридическими фактами, которые влияют на возникновение, изменение и прекращение только процессуальных правоотношений, то соглашения по определению порядка урегулирования и (или) разрешения будущего или возникшего правового

спора могут выступать и в качестве юридических фактов, влияющих на возникновение, изменение и прекращение материальных правоотношений.

В монографии обосновывается, что по степени согласованности воли заключение процессуального соглашения следует относить к односторонним сонаправленным, а не двусторонним взаимным действиям. Цели заключения процессуального соглашения для каждой стороны являются индивидуальными, но путем его заключения стороны добиваются единого для них процессуального итога, направленного не на взаимодействие друг с другом, как при взаимных действиях, а на «управление» юрисдикционной или неюрисдикционной процедурой (например, возбуждение определенной процедуры, отложение судебного разбирательства, прекращение судебного разбирательства и другое).

Интерес подход автора к определению внесудебных неюрисдикционных процессуальных соглашений, заключаемых по выбору внесудебной неюрисдикционной формы защиты права (соглашения о применении процедуры медиации, о проведении процедуры медиации, о переговорах и некоторые другие). Она предлагает рассматривать их как квазиправовые процессуальные соглашения, поскольку они не порождают прав и обязанностей и не влекут применения мер юридической ответственности. Несмотря на свою специфическую природу, внесудебные неюрисдикционные процессуальные соглашения имеют опосредованный процессуальный эффект, влияющий на динамику развития юрисдикционных процедур.

Заслуживает внимания предложение исследователя о том, что в целях снижения трудозатрат судьи при рассмотрении и разрешении гражданского дела необходимо расширить сферы применения судебных процессуальных соглашений по изменению сроков на обращение в суд, изменению формы судопроизводства на упрощенную (письменную, электронную), об отказе от права на обращение в вышестоящую судебную инстанцию, а также по вопросам движения гражданского дела («организационные соглашения» между судом и лицами, участвующими в деле).

Нельзя не согласиться с предложением автора, что для гармонизации международных отношений в международные договоры о правовой помощи, международные договоры о признании и исполнении решений иностранных судов и в иные международные акты, заключенные на условиях взаимности, кроме признания и исполнения судебных актов (и иных юрисдикционно утвержденных актов), необходимо

включить признание и исполнение медиативных соглашений. Если внутри страны предусмотрена процедура утверждения медиативного соглашения судом или его утверждение в нотариальном порядке, то признание и исполнение такого акта возможно без использования специальных процедур на территории договаривающихся государств.

Представленная работа может быть интересной и полезной не только для тех, кто занимается юридической наукой, но и для практикующих юристов. Надеюсь, что знакомство с этой книгой никого не оставит равнодушным.

С. К. Загайнова,
*доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского процесса УрГЮУ,
директор Центра медиации УрГЮУ*

ОТ АВТОРА

Актуальным направлением исследований цивилистического процесса на современном этапе является поиск процессуальных форм, способствующих снижению трудозатрат при рассмотрении гражданских дел, судебной нагрузки. От этого напрямую зависит качество правосудия, и, следовательно, правовая определенность и стабильность гражданского оборота в целом. Для реализации данного направления в постановлении VIII Всероссийского съезда судей от 19.12.2012 ставятся задачи осуществления мер по повышению качества правосудия, совершенствованию судопроизводства и его постоянной адаптации к потребностям государства и общества¹.

Как показывают статистические данные, в последнее время наблюдается рост числа поступивших гражданских дел. Если в суды общей юрисдикции по первой инстанции в 2012 г. поступило 10,3 млн гражданских дел, то в 2017 г. — 15,52 млн гражданских дел, а в 2018 г. — 17,27 млн гражданских дел. Динамика роста количества гражданских дел существует и в системе арбитражных судов: в 2016 г. по первой инстанции было рассмотрено 1,3 млн гражданских дел, а в 2017 г. — 1,95 млн гражданских дел, в 2018 г. — 2,1 млн².

Снижение судебной нагрузки возможно путем предоставления заинтересованным лицам большей самостоятельности в определении формы защиты права (судебной, внесудебной юрисдикционной, внесудебной неюрисдикционной), а также порядка и условий ее реализации для уменьшения количества судебных заседаний, снижения вероятности обжалования судебных актов и сокращения споров, возникающих при принудительном исполнении. Для практического осуществления данных правомочий необходима теоретическая разработка конструкции процессуальных соглашений, отвечающая современным потребностям общества.

¹ Постановление VIII Всероссийского съезда судей от 19.12.2012 «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития»: сайт. URL: <http://ssrf.ru/page/9085/detail> (дата обращения 11.09.2019).

² Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, полученные из статистических отчетов судов: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 11.09.2019).

Современное гражданское право учитывает потребности расширения диспозитивных начал в деятельности участников гражданского оборота, что отражено в современном гражданском законодательстве, также расширяется дискреция административных и иных властных органов при рассмотрении споров, вытекающих из публичных правоотношений. Однако существующие в современном гражданском процессуальном праве и арбитражном процессуальном праве России процессуальные соглашения не претерпели существенных количественных и качественных изменений со времен Устава гражданского судопроизводства 1864 г. Правовое регулирование процессуальных соглашений в гражданском и арбитражном процессе «отстает» от развития диспозитивных начал материального права, в связи с чем образовался «дефицит» необходимых процессуальных конструкций, обеспечивающих реализацию диспозитивных полномочий участников материальных правоотношений.

Проблема несоответствия правового регулирования процессуальных соглашений современному состоянию гражданского законодательства не получила полного решения и после принятия Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹ (далее Закон о медиации), Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)”»², Федерального закона от «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»³. Своевременность настоящего исследования предопределяется проводимой в настоящее время унификацией российского процессуального законодательства.

Все вышесказанное обуславливает, на взгляд автора, актуальность выбранной темы и необходимость научного исследования проблем процессуальных соглашений. Ранее в науке гражданского процессуаль-

¹ Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ред. от 23.07.2013) // СЗ РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4162.

² Федерального закона от 27.07.2010 № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)”» // СЗ РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4163.

³ Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.

ного, арбитражного процессуального права проводились комплексные исследования О. Н. Шеменевой «Роль процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве»¹, которое рассматривает процессуальные соглашения как соглашения, заключаемые при участии суда, что на наш взгляд сужает сферу применения института процессуальных соглашений. Еще одно комплексное исследование данного вопроса проведено Н. Г. Елисеевым «Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений»². В данной работе автор исследует процессуальный договор с помощью применения аналогии материального договора, а также проводит компаративный анализ данного института с процессуальными договорами в немецком праве. Однако процессуальное соглашение в российском праве носит более универсальный характер, обусловлено историческим развитием гражданского, арбитражного процессуального права в России и может быть рассмотрено в более широком круге правоотношений, чем предложено другими авторами. В данной работе делается попытка комплексной оценки института процессуальных соглашений в российском процессуальном праве.

Автор выражает глубокую признательность научному руководителю — доктору юридических наук, профессору Светлане Константиновне Загайновой за неоценимую помощь и поддержку, ценные советы и научный энтузиазм при разработке данной темы. Также автор благодарит коллектив кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета за оказанную поддержку в подготовке и написании данной работы.

Защита диссертации, которая легла в основу данной монографии, состоялась при дискуссии с научными оппонентами: Еленой Александровной Борисовой — доктором юридических наук, профессором кафедры гражданского процесса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, и Ольгой Николаевной Шеменевой — доктором юридических наук, доцентом кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета. Автор выражает им благодарность за ценные замечания и то внимание, которые они уделили настоящему исследованию.

¹ *Шеменова О. Н.* Роль процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2017.

² *Елисеев Н. Г.* Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.

Глава 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ

§ 1. Развитие учения о процессуальных соглашениях

Для формирования представления о правовом институте процессуального соглашения следует рассмотреть вопрос о том, как происходило формирование и развитие доктрины процессуальных соглашений, и как эти положения юридической науки находили воплощение в процессуальном законодательстве. В качестве первоначального этапа обратимся к римскому праву (развитие института процессуального соглашения можно проследить с момента заключения соглашений во время судебного процесса в римском праве, когда стороны могли выразить свое согласие друг с другом для наступления определенных юридических последствий). Затем рассмотрим развитие процессуальной мысли и законодательства в эпоху Судебной реформы 1864 г., далее сравним, как выработанные процессуальной наукой положения о процессуальных соглашениях были реализованы в кодифицированных актах советского и постсоветского периодов.

Возможность заключения соглашений, которые влияли на ход судебного процесса по частным спорам, существовала еще в период легисакционного и формулярного процесса в Древнем Риме. Зарождение римского гражданского процесса как института публичного права в своей основе имело договорные начала. Так первые столпы, на которых строилась судебная защита, были изначально договоренностями сторон, которые за защитой и обращались¹.

Существует несколько точек зрения на возникновение двух стадий римского процесса. Одна из них заключается в том, что система самоуправления существует одновременно с институтами третейского суда и внесудебной присягой для ликвидации спора. Постепенно внесудеб-

¹ См.: *Омельченко О. А.* Римское право : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : ТОН-Остожье, 2000. С. 98.

ная присяга сменяется судебной, а третейский судья становится судьей или иным чиновником, способным разрешить спор¹.

И. А. Покровский отмечает, что «древнейшая римская государственная власть лишь прекращает физическую борьбу сторон и затем заставляет спорящих так или иначе прийти к соглашению о третейском суде, который затем и разберет спор по существу»². Римская система государственных судов зарождается при запрете самоуправства и кровной мести, ориентируясь на необходимость сторон договариваться во время судебного процесса, а не на организации государственных органов, которые, обладая властными полномочиями, самостоятельно принимают решения за стороны. И. А. Покровский также говорит о скорее полицейской (охранительной) функции претора, чем о его обязанности разбираться и судить³.

В ходе искового производства стороны могли заключать стипуляции и спонзии (как главную форму стипуляций). И. Б. Новицкий пишет, что «стипуляцией называется устный договор, заключенный посредством вопроса будущего кредитора и совпадающего с этим вопросом ответа со стороны лица, соглашающегося быть должником по обязательству:

Stipulatio autem est verborum conceptio, quibus is qui interrogatur, daturum facturumve se, quod interrogatus est, respondet (D. 45.1.5.1). — Стипуляция есть словесная формула, в которой лицо, которому задается вопрос, отвечает, что оно даст или сделает то, о чем его спросили»⁴.

Спонзии же являлись наиболее строгой формой стипуляции, характерной для того времени, когда стипуляция еще имела религиозный характер, который со временем был утрачен, и осталось только светское содержание договора стипуляции⁵.

Ульпиан анализирует, что «соглашение — это совпадение желаний двух или более лиц. (D. 2.14.1.2) ...Слово *conventio* (соглашение) является настолько общим, что нет никакого контракта, никакого обязательства, где бы не содержалось соглашения, в зависимости от того, совершается ли оно посредством передачи вещи или посредством

¹ См.: Салогубова Е. В. Римский гражданский процесс. М. : Юридическое бюро «Городец», 1997. С. 42.

² Покровский И. А. История римского права. Мн. : Харвест, 2002. С. 70.

³ См. там же. С. 69.

⁴ Новицкий И. Б. Римское частное право / под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. М. : Юриспруденция, 2000. С. 297.

⁵ См. там же. С. 298.

слов, ибо и стипуляция, которая совершается посредством слов, ничтожна, если нет согласия (D. 2.14.1.3)»¹. Эти соглашения рассматривались в качестве способа защиты в ходе судебного разбирательства и являлись односторонним обязательством для стороны – участницы судебного разбирательства. Однако также Ульпиан (D. 2.15.2) отмечает, что «окончить спор миром можно не только применением стипуляции, но и на основании заключенного соглашения о непредъявлении требования»².

Существовали и определенные ограничения по субъекту заключения данных соглашений: заключить такое соглашение могли только римские граждане, а не перегрины, и соглашение заключалось в устной форме только на латинском языке. Эти соглашения больше были присущи легисакционному процессу, так как необходимо было очень точно цитировать закон в своих требованиях. Данные соглашения давали возможность свести практически любой процесс к пари и выплате штрафа, безусловно, при согласии каждой из сторон.

Спонзии заключались сторонами добровольно, когда была перспектива дальнейшего разбирательства дела в суде. Каждая из сторон делала заявление относительно спорного имущества или денежных средств, и, если такое заявление оказывалось ложным, то сторона выплачивала противной стороне штраф, назначенный при заключении соглашения. При неисполнении штрафа противная сторона могла обратиться за судебной защитой. Со временем данные соглашения расширили свое действие практически на все сферы частной жизни, и требование об обязательном указании в законе на возможность заключения спонзии только по определенному делу перестало действовать на них.

В интердиктном производстве, появившемся как упрощенная формула административного разбирательства³, также присутствует заключение определенного процессуального соглашения. Судья утверждает интердикт – условный приказ о том, как должен поступить ответчик в случае, если указанные в обращении истца обстоятельства – правда. Однако если ответчик уклоняется от исполнения интердикта, то истец вызывает ответчика для заключения соглашения, в котором стороны договариваются, что, если ответчик окажется неправым, то он выплачивает истцу штраф, в противном случае – истец выплачивает штраф

¹ Новицкий И. Б. Римское частное право. С. 278.

² Там же. С. 315.

³ См.: Покровский И. А. История римского права. С. 88.

ответчику. И. А. Покровский называет такое соглашение процессуальным пари между истцом и ответчиком, указывая, что значение для процесса заключается в том, что из административного разбирательства спор переходит в судебный процесс¹. И. С. Перетерский говорит о таком соглашении как о договоре, исполнение которого ставится под условие от выносимого судьей решения².

Оба таких производства состояли в римском процессе из двух стадий: *in iure* и *in iudicio*. На первой стадии участники спора приходили к судебному магистрату и выполняли определенный ритуал, подтверждая наличие спора между ними. Результатом данной стадии являлось заключение процессуального соглашения *litiscontestatio*, которое утверждало преторскую формулу и последующую передачу дела судьбе. На второй стадии *in iudicio* судьями по данному делу становились частные лица, не обладающие никакой государственной властью, однако непосредственное разрешение спора происходило именно на этой стадии с помощью невластных субъектов. И. А. Покровский указывает на договорный характер *litiscontestatio* в связи со следующими обстоятельствами³:

1. Согласие сторон с формулой и передача спора на рассмотрение судьбе влечет невозможность повторного обращения к претору с таким же иском.

2. После *litiscontestatio* происходит «принудительное обновление правоотношения», т.е. старое правоотношение между истцом и ответчиком прекращается, а новое заключается в необходимости принять будущее судебное решение по данному делу.

3. Наличие или отсутствие необходимых юридических фактов и составов, важных для разрешения конкретного дела, определяются на момент *litiscontestatio*.

4. После *litiscontestatio* ответственность ответчика усиливается.

Нельзя не согласиться с И. А. Покровским в том, что на момент заключения соглашения о передаче сторонами формулы судьбе, стороны добровольно своим решением влияют на движение процесса и переводят его на следующую стадию, принимая на себя новые обязанности.

В III в. н.э. в когниционном производстве в связи с расширением власти магистратов и усилением их административных полномочий исчезают две стадии римского процесса, что автоматически

¹ См.: Покровский И. А. История римского права. С. 220.

² См.: Новицкий И. Б. Римское частное право. С. 65.

³ См. там же. С. 157–158.